

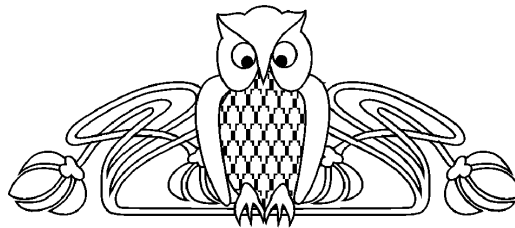

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 71–81
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 71–81
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-71-81>

Научная статья
УДК [94+355.48+327](100+460)|1939/1945|+929Франко

Франкистская Испания в контексте Второй мировой войны: деяния и намерения

Д. М. Креленко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Креленко Денис Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, krelenkon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-1725>

Аннотация. Статья посвящена двум периферийным проблемам международных отношений кануна и периода Второй мировой войны. В это время Испания пыталась решить свои территориальные споры в Северной Африке и на Пиренейском полуострове. Внимание автора сосредоточено на деятельности каудильо Ф. Франко по решению этих вопросов. Франко сумел усилить влияние Испании в Танжере, но не смог вернуть своей стране Гибралтар.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Испания, франко-испанское соперничество, Танжер, британский Гибралтар, Ф. Франко, А. Гитлер

Для цитирования: Креленко Д. М. Франкистская Испания в контексте Второй мировой войны: деяния и намерения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 71–81. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-71-81>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Francoist Spain in the context of the Second World War: Deeds and intentions

D. M. Krelenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis M. Krelenko, krelenken@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-1725>

Abstract. The article is devoted to two peripheral problems of international relations on the eve and during the Second World War. At this time Spain was trying to solve its territorial problems in North Africa and the Iberian Peninsula. The author's attention is focused on the activities of the caudillo F. Franco in solving these problems. Franco managed to strengthen the influence of Spain in Tangier, but was unable to return Gibraltar to his country.

Keywords: World War II, Spain, Franco-Spanish rivalry, Tangier, British Gibraltar, F. Franco, A. Hitler

For citation: Krelenko D. M. Francoist Spain in the context of the Second World War: Deeds and intentions. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 71–81 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-71-81>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях военных конфликтов любой интенсивности, особенно если речь идет о масштабных столкновениях коалиций, определенную роль в замыслах, процессе и исходе противостояния играют субъекты, временно или перманентно уклоняющиеся от схватки. Позиция нейтральных, прежде всего «невоюющих» стран, имеющих существенный незадействованный военный потенциал, экономические возможности и ту или иную степень географической приближенности к театрам военных действий, ока-

зывают значительное влияние на планируемые и принимаемые воюющими державами решения, меняют объемы резервов, которыми располагают непосредственные участники конфликта, и привлекают пристальное внимание соответствующих служб держав-комбатантов. Чем значимее стратегическое положение и деятельнее политика государства, стоящего над схваткой, тем выше уровень непрямого воздействия, оказываемого данным субъектом международных отношений на события текущей военной реальности.

Интуитивно понятная роль воздержавшихся или ограничивших участие в конфликте государств, тем не менее, редко привлекает внимание исследователей, особенно если незадействованная страна принадлежит ко второму эшелону акторов. Между тем в случаях, когда второстепенный невоюющий актер в силу географического положения либо достойных упоминания военных возможностей существенно колеблет чаши весов противоборства, игнорирование создаваемых им коэффициентов обеспечивает изрядные погрешности при создании стремящейся к истинности картины явления.

В нашем Отечестве по понятным причинам прискорбно мало изучаются, например, намерения и фактическая роль франкистской Испании в событийной канве Второй мировой войны. Национальная точка зрения относительно испанского фактора в важнейшем противостоянии новейшей эпохи не эволюционирует и опирается на однажды созданные стереотипы.

Эти стандартные воззрения создавались уважаемыми и скрупулезными исследователями, но имели в своей основе документальную базу и идеологический стандарт иного исторического периода, что препятствует их эффективному применению в современных условиях и подталкивает к корректировкам с учетом дополнительных материалов, введенных в научный оборот с начала нового века.

В данной работе автор стремится уделить внимание двум начинаниям франкистского Мадрида применительно к театрам, где велась борьба между «осью» и «демократиями»: единственному реализованному на практике и иному, тщательно планируемому, но не состоявшемуся. Речь пойдет о переоценке «Танжерской акции» франкистского режима и уведомлении русскоязычного читателя о ранее не упоминаемом национальной историографией испанском плане по самостоятельному овладению Гибралтаром.

Летом 1940 г. субъектная апатия франкистского режима, порожденная необходимостью реанимации страны после кровопролитной гражданской войны, а также некоторой дезориентацией Мадрида в связи с заключением германско-советского договора о ненападении, сменилась всплеском активности. Молниеносное крушение вооруженных сил и даже государственности ведущего версальского гаранта – Франции – подвигло испанцев на декларацию смены отношения к протекавшему мировому конфликту. Нейтральный статус Испании 12 июня 1940 г. был трансформирован до положения «невоюющей страны»¹.

Подобный шаг, традиционно трактуемый отечественными исследователями как свидетельство агрессивности Испании и ее приверженности делу «оси», на самом деле не вызвал особого возмущения в противостоящем лагере,

поскольку являлся стандартной мерой со стороны государства, оказавшегося в центре театра чужих военных действий. На практике Испания в связи со вступлением в войну Италии и созданием германских плацдармов для рывка в просторы Атлантики оказалась в «сердце тайфуна» и реагировала естественно, хотя симпатий к Риму и Берлину неизбежность состоявшегося маневра, естественно, не уменьшала.

Спустя два дня после изменения официального статуса испанцы на практике продемонстрировали смену поведенческого стандарта, дерзко посягнув на основы версальско-вашигтонского миропорядка. 14 июня 1940 г. дислоцированные в испанской зоне в Марокко войска протектората заняли международную зону интернационализированного порта Танжер².

На первый взгляд, произошедшее с учетом формы акции и перечня потерпевших может однозначно трактоваться как расширение фашистской агрессии и посягательство на основы миропорядка интербеллума. Однако в непосредственном приближении при анализе отдельных нюансов упомянутое событие выглядит несколько иначе.

Воздвигнутый вблизи Гибралтарского пролива город-порт Танжер имел непреходящее стратегическое значение для всех атлантистских держав, следующих по стезе классического империализма. Пункт располагался настолько удачно, что в рамках британо-центристского мира его переход под контроль любой конкурирующей с англичанами державы первого эшелона мог иметь опасные последствия для основ системы. Когда обстоятельства Танжерского кризиса все же принудили Лондон санкционировать передачу Марокко под французскую протекцию, предусмотрительные англичане позаботились о страховке. Во-первых, Гибралтарское побережье султана вручили не претендующим на величие испанцам. Во-вторых, не доверяя даже заведомо слабой Испании, Альбион инициировал придание перспективному порту-конкуренту статуса международной демилитаризованной зоны.

Особый и по существу эксклюзивный статус порто-франко, руководимого ассамблеей конкурирующих субъектов, формировался тяжело. Данный процесс растянулся на два десятилетия и дал приемлемые для Англии результаты лишь 18 декабря 1929 г., когда завершилась работа Парижской международной конференции по Танжеру³.

Саммит проходил в условиях испано-французских проблем, порожденных Риффской войной, и, скованные обстоятельствами, марокканские опекуны согласились на британскую редакцию документов. Первоначальный текст статута подразумевал максимальную децентрализацию власти и защищал интернациональные основы таковой от попыток разрушения баланса любым

из субъектов. Приоритетом полномочий пользовались Франция, Испания и Великобритания. Прочим заинтересованным державам надлежало довольствоваться лоббированием собственных экономических интересов на основе локальных возможностей.

В первом приближении обстановка в этой зоне выглядела следующим образом. Франция доминировала в деле экономической и финансовой эксплуатации возможностей анклава. Испании позволялось соучаствовать в администрировании и извлекать собственные вторичные доходы, попутно решая демографические проблемы за счет поощрения миграции. За собой Лондон оставлял финансовый контроль и возможность, разделяя и властвуя, исключить превращение Танжера в опорный пункт, сопоставимый с Гибралтаром.

Мир, однако, трансформировался. Уже в 1928 г. изменившийся баланс сил привел к коррекции статута и положения зоны Танжера. Итальянцы нарастили представительство в законодательном органе, который отныне включал в себя 4-х французов, 4-х испанцев, 3-х англичан, 3-х итальянцев, а также американца, голландца, бельгийца и португальца⁴. Местное население в конвенте представляли 6 танжерских уроженцев-мусульман и 3 представителя влиятельной еврейской общины. Формально ассамблеей руководил спикер собрания, султанский назначенец – мендуб, но фактически его роль сводилась к констатации законодательских усилий европейского большинства. Делегаты законодательного собрания не избирались, а рекомендовались самим мендубом или консульствами соответствующих стран.

Исполнительная власть зоны Танжера включала верховного администратора (француз), трех его помощников, выдвинутых Испанией, Великобританией и Италией. Причем испанский заместитель ведал общими вопросами, британец – финансовым контролем, а итальянец – судопроизводством. Далее следовали инженеры – градостроитель и знаток инфраструктуры, предлагаемые консульствами держав-протекторов. Жандармерию в количестве до 250 местных и европейских полицейских с 1928 г. возглавлял испанский офицер, заменивший обязательного ранее нейтрального бельгийца⁵. Выше всей приведенной иерархии стоял консульский контрольный комитет, собственно, и определявший политику посредством назначаемых креатур.

Естественно, подобная система оказалась ограничено работоспособной. Четырем основным державам механизм позволял так или иначе управлять регионом на основе непрерывных компромиссов. Остальным участникам приходилось довольствоваться лоббированием локальных экономических интересов. В зоне царил полный экономический либерализм в сочетании с высокими налогами и отсутствием элементов со-

циального регулирования. При этом область могла гордиться внедренными англичанами анти-сегрегационными принципами, даровавшими 10-тысячной иудейской общине трех представителей, а 30-тысячной исламской – шесть.

Предположительно в международной зоне соблюдался постулат о демилитаризации, и достаточно эффективно осуществлялось противодействие оружейной контрабанде. Побережье не укреплялось. Отряды держав-протекторов могли посещать регион лишь с транзитными целями, и единственной организованной вооруженной силой являлась местная жандармерия.

Однако 1940 год покончил с компромиссами. В мае лишились почвы под ногами бельгийский и голландский представители, не получавшие отныне взвешенных консульских наставлений и поддержки. Затем в июне ситуация усугубилась констатацией состояния войны «демократий» и Италии. Паралич власти наступил в момент нарастания зональных социально-экономических проблем. Военная конъюнктура снизила доходы Танжера, а расширенная по объективным причинам еврейская эмиграция стимулировала межэтническую напряженность, подогреваемую информационными усилиями многочисленных агентов «оси»⁶.

Отсутствующие в Танжере цензурные ограничения позволяли населению составить представление о положении дел на фронтах и осознать, что традиционно господствовавшая в Магрибе Франция стоит на пороге поражения. Несостоятельность Третьей республики и разгром французской армии могли создать вакуум власти и активизировать антиколониальные выступления магрибинцев вместе с неизбежно сопутствующими освободительному движению эксцессами.

Сложившаяся ситуация подстегнула давние испанские мечтания по присвоению Танжера, тем более что для этого открылась дипломатическая лазейка. Еще в апреле 1940 г. Париж внес предложение о совместной франко-испанской оккупации международной зоны для предотвращения роста итальянского влияния⁷. Испания приняла аванс к рассмотрению, но медлила с ответом, опасаясь конфликта с итальянцами и выжидая более благоприятной обстановки. Момент настал, когда Западное Средиземноморье превратилось в арену интенсивных военных действий, а Франция оказалась на грани полного поражения.

Далее общеизвестные в отечественной историографии события, перемежаясь с менее известными, протекали следующим образом. Испания 12 июня 1940 г. официально сменила статус нейтральной страны на положение «невоюющей». На следующий день руководитель испанского министерства иностранных дел Хуан Луис Бейгбедер-и-Атьенса уведомил французское правительство о намерении его страны самосто-

ательно занять Танжер для поддержания его нейтралитета. Реакция мигрировавшего кабинета Третьей республики оказалась индифферентной. От Мадрида потребовали заверений о временном характере оккупации, которые Бейгбедер незамедлительно выдал⁸. На этом вопрос был почти исчерпан. К вечеру 13 июня состоялось подписание межправительственного соглашения, поставленного под сомнение лишь Ш. Ногесом, верховным комиссаром Франции в Марокко. Оказавшись на историческом распутье, французский представитель колебался относительно легитимности испанского шага, но не располагал официальными полномочиями, временем и средствами для его пресечения.

Испанцы действовали быстрее, чем ожидала французская сторона. Днем 13 июня 1940 г. комиссар испанского протектората в Марокко К. Асенсио Кабанильяс получил приказ занять Танжер⁹. Операция планировалась с учетом ряда формальностей. Действовать предстояло от имени и по поручению марокканских властей, а следовательно, руками самих магрибинцев.

Быстро заручиться султанской поддержкой было затруднительно вследствие профранцузской ориентации монарха, но у испанцев имелся запасной вариант. В Тетуане, административном центре испанского протектората, был собственный правитель. Формально тетуанский халиф являлся вассалом султана в Рабате, но на практике местный вождь, обслуживая испанские начинания, лишь информировал номинального повелителя о принятых решениях¹⁰.

Получив соответствующие предписания, испанский комиссар оперативно сформировал национальный войсковой контингент. На западе испанской части протектората был расквартирован IX армейский корпус, в составе которого имелось 14 таборов (батальонов), укомплектованных местными берберами и арабами¹¹. Из числа этих формирований создали исключительно туземную группировку численностью в 4 тыс. чел.¹² Накануне «часа икс» группа из 6-ти пехотных и 2-х кавалерийских таборов, сведенная под командование испанского полковника А. Юсте Сегура, вышла на исходные позиции у кромки международной зоны¹³. Одновременно на случай энергичной французской реакции основные силы IX и соседнего X армейских корпусов выдвинулись в район Лараша и других пунктов на линии разграничения протекторатов. Ночью 14 июня 1940 г. верховный комиссар Испанского Марокко генерал Асенсио связался с французским коллегой Ногесом, уведолив последнего, что, по поручению халифа Тагуана, согласовав действия с французским правительством, намеревается занять Танжер. Спустя 15 мин две колонны сил вторжения вступили в международную зону¹⁴. К полудню вымущтрованные туземные части, не встречая сопротивления, без потерь установили контроль над ключевыми

объектами порто-франко. Французского администратора заменили испанцем из рядов местного руководства, но деятельность международных исполнительных институтов прекращать не стали, приостановив лишь консультации с консулами. Формально оккупанты на протяжении почти 6 мес. поддерживали танжерский статут неизменным, обеспечив лишь испанское главенство в ключевых органах управления.

Столкновений и жертв в ходе операции не фиксировалось. Местное население проявило индифферентность. Пролетариат Испанской колонии в основной массе приветствовал произошедшее. Танжерский интернационал, за исключением французов, быстро успокоился, не ожидая радикальных перемен.

Французский комиссар отреагировать не успел. Теоретически силы Ногеса в Марокко состояли из 200 тыс. солдат и более чем двукратно превышали испанский контингент в Африке, имея дополнительное превосходство в боевой технике. Но неопределенность ситуации, отсутствие предписаний Парижа и высокий темп испанской акции парализовали французскую волю к сопротивлению. Силами флота, необходимыми для эффективного противодействия, в Танжере Ногес не распорядился, а пробиваться через прикрытый испанцами Южный Атлас не решился. В результате испанская акция осталась без последствий, а французский комиссар решил плыть по течению печального для его страны исторического процесса.

Официальный Мадрид и военщина в свою очередь ликовали, поскольку впервые со времен Риффской войны испанские позиции в протекторате упрочились. Прежде Испания дважды уступала французам оговоренные в Альхесирасе территории, но теперь неожиданно приобрела контроль над инфраструктурным стержнем Западного Марокко и получила доступ к соответствующим доходам.

В распоряжении хитрого лицемера Франко оказался информационный материал для воздействия на национальное общественное мнение и зарубежных партнеров. Распространенное к 15 июня 1940 г. официальное испанское коммюнике было осторожным, подчеркивало временный характер оккупации и сохранение в Танжере международного правления. Зато немцев на словах убеждали в том, что танжерская акция символизирует практическое начало передела Марокко и знаменует начало активных действий Испании рука об руку с торжествующим Рейхом. Бейгбедер, принимая 16 июня гитлеровского посла Шторера, демонстративно разложил в кабинете карты Северной Африки и, повествуя о позавчерашних событиях, ни словом не упомянул о консультациях с французскими министрами, путешествовавшими из Тура в Бордо¹⁵.

В изложении главы испанского МИДа согласованный с партнером акт выглядел как агрессия,

о чем гитлеровский посол должен был информировать начальство. Отчасти прибывая в эйфории или изображая таковую, франкисты авансировали нацистских кредиторов, заодно зондируя их мнение насчет дальнейшей экспансии в Марокко и иных французских колониях.

Прочим субъектам мировой политики демонстрировали несколько иную сущность казуса. Англичанам, выразившим озабоченность событиями, Бейгбедер подтвердил приверженность принципу демилитаризации и нейтральности Танжера, проинформировав также об отсутствии претензий со стороны правительства П. Рейно. Вероятно, достаточно осведомленный о подоплеке событий, британский посол С. Хор был удовлетворен, тем более что Лондону и Мадриду предстояли переговоры об остро необходимом франкистам торговом соглашении¹⁶. В таких условиях малейшая ложь могла стоить испанцам социально-экономической стабильности и была, по мнению англичан, нецелесообразна. К тому же коварные сыны Альбиона, предполагая необходимость скорой нейтрализации стратегических позиций экс-союзника, не могли не радоваться сокращению списка целей, одна из которых перепоручалась испанцам. Испано-британский инцидент был, таким образом, исчерпан. Прочие участники танжерской концессии, даже утратившие субъектный статус, поводов для претензий не имели, поскольку их резиденты оставались на месте и при должностях.

Следует признать, что, невзирая на разнообразие эксплуатации франкистами информационных последствий танжерского инцидента, казус не мог в полной мере считаться агрессивным. Перевод международной зоны под испанский контроль, безусловно, произошел в кризисный момент и являлся следствием шантажа, но осуществлялся по согласованию с ключевым партнером по опеке над Марокко и туземными властями. Кроме того, оккупация Танжера была быстро признана де-факто державами противостоящих коалиций как оптимальное в текущий момент решение, позволявшее сохранить базовые принципы нейтральности значимого пункта.

Учитывая данный постулат, франкистскую Испанию целесообразно признать государством, руководившимся стандартными для той эпохи принципами империалистической политики, но избегавшим экстремизма и вероломства, присущих фашистской разновидности империализма.

Указание на то, что в дальнейшем франкистский режим самоуправно отменил международный статут оккупированной территории, имеет право на существование лишь вне критического анализа. Действительно, 3 ноября 1940 г. Танжер был включен в Испанскую зону Марокко, а международная администрация низложена. Власть была передана испанскому губернатору¹⁷. 28 ноября зону окончательно интегрировали в испан-

скую часть Марокко. Данный факт неоспорим, но, как всегда, имеются нюансы. Дело в том, что аннексия анклава последовала непосредственно за эндайскими переговорами каудильо и фюрера.

В ходе прений сторон «бесноватый фюрер» отклонил испанские претензии на французское Марокко и прочие вишистские колонии в Африке, приняв на себя роль защитника вишистских интересов¹⁸. Переговорщики разъехались недовольные уровнем партнерства¹⁹. И почти сразу за этим «благословенным» событием Франко демонстративно аннексирует территорию, где по статусу должны главенствовать верные вишистским коллаборационистам французские чиновники. Событие трудно поддается однозначной трактовке, но может сложиться мнение о нарочитости поведения испанского диктатора, показавшего возможность сепаратных действий в протекторате. Во всяком случае никаких санкций с британской стороны за смену танжерской юрисдикции Франко не получил, а вот ноябрьское разочарование Берлина вскоре проявилось в отказе от планирования совместных испано-германских действий. Оккупационный режим в Танжере являлся настолько ординарным, что каких-либо репрессий не фиксируют даже такие чуткие к попранию прав и свобод источники, как европейская электронная энциклопедия и ей подобные. Собственно «Циклопедия» и «Ежевика» вообще не фиксируют смену режимов в контексте иудейской общины, тогда как о вишистской Касабланке упоминают в негативном ключе²⁰. Впрочем, идиллическая пастораль с общим непротивлением испанскому хозяйничанью в Танжере отнюдь не является катализатором истинных намерений и коварных замыслов. Будучи, как все окружающие иноземные коллеги, империалистом, Франко тяготел к экспансионистским методам и не просто ждал подходящего момента, но интенсивно готовил передел границ Средиземноморской ойкумены.

Приоритетной целью каудильо, безусловно, являлся британский Гибралтар. Данная непреходящая проблема в отношениях Испании с вставшей империей-миродержцем, как следует из рассекреченных в первом десятилетии XXI в. документов, приковала внимание Ф. Франко Баамонде несколько ранее, чем принято было считать. Прежде господствовавшая в историографии концепция строилась на предположении, что испанский генералиссимус заинтересовался британским наследием на крутом историческом повороте лета – осени 1940 г., когда зримо зашатались основы привычного европоцентристского мира во главе с Лондонским Сити. Однако ныне обнаруженные испанскими исследователями доказательства сдвигают левую хронологическую рамку гибралтарских амбиций Франко в довоенную эпоху. Причем прежде считалось, что гибралтарское направление франкистской экспансии инициировалось нацистами и зародилось

вместе с планом «Феликс», тогда как на деле испанцы имели и последовательно отстаивали сугубо суверенный агрессивный проект, где гитлеровцам отводилась роль создателей приемлемых политических обстоятельств и интендантов.

В мае 1935 г. обласканный правым республиканским правительством за решительное подавление Астурийской коммуны Франко поставлен во главе испанского генерального штаба²¹. Освоившись в лыстящей самолюбиво роли, молодой генерал, возглавивший «мозг армии», обнаружил, что столь важный орган не работает по назначению. Не слишком удачная военная реформа предшествующих кабинетов привела к параличу военного планирования. Генштаб, призванный проектировать действия в любых, даже самых маловероятных конфликтных ситуациях, простаивал, лишенный директив о наиболее вероятных противниках. Между тем в Средиземноморье имел место очередной острый военный кризис, порожденный итало-британским противостоянием в контексте войны в Абиссинии. Конфронтация влекла риск возникновения войны, вероятно, общеевропейской, и участникам концерта следовало определиться.

Формально Испания в лучших традициях дисциплинированного члена мирового сообщества гарантировала Лондону доброжелательный нейтралитет²². Но на практике «правому» премьеру Х.-М. Хиль Роблесу итальянцы были симпатичнее, и национальный Генштаб, возглавляемый будущим каудильо, принялся детально изучать вероятного британского противника. Уже в мае 1935 г. бригадный генерал Франко приказал осуществлять постоянный и пристальный контроль за «Скалой» и тщательно анализировать потенциал и уязвимые точки британской цитадели²³. Наблюдение велось систематически, изменения фиксировались в специальных формулярах, бережно сохранившихся в ожидании подходящего момента. Не исключено, что результатами этих наблюдений делились с итальянцами, выступавшими партнерами консервативного республиканского правительства в Мадриде.

Затем прогремела Гражданская война, проходившая в условиях стремительной поляризации империалистических группировок. И весной 1939 г. Гибралтар стал объектом перманентного внимания укоренившихся у власти националистов и их вождя. Непосредственный испано-британский конфликт предпринят не был, но каудильо предчувствовал неизбежный катаклизм и на всякий случай выбирал лагерь. Испания не являлась страной, удовлетворенной существующим положением вещей, поэтому в поисках геополитических предпочтений Франко намеривался примкнуть к создателям «нового порядка». Причем двигал им не фашистский догматизм, а банальное и утилитарное стремление с соблюдением всех предосторожностей погреть руки

у пламени мирового пожара. Выбор диктовался простой аксиомой, согласно которой делить с Германией было нечего, поводы для споров с итальянцами только предстояло создать. А вот англичане и французы уже владели лакомыми кусками, один из которых, находясь в британских руках, являлся вечным напоминанием о национальном унижении. Торопиться, рисковать, а тем более чем-то жертвовать ради недавних покровителей Франко не собирался. Но, будучи профессиональным военным, считал долгом заранее готовиться к наиболее конструктивным шагам.

Еще в апреле 1939 г., определяя приоритетные задачи и районы дислокации своей победившей армии, каудильо указал на особую значимость гибралтарского района. Командующий «южной армией» Г. Кейпо де Льяно получил распоряжение надежно закрыть участок, всемерно укрепить южную границу и бдительно следить за вероятным противником²⁴. В мае спонтанные усилия по укреплению южного рубежа сменились целенаправленной деятельностью. Создали специальную Комиссию укрепления южного побережья, техническим руководителем которой стал полковник П. Жевенуа Лабернад, бельгиец по происхождению, известный в соответствующих кругах инженер-новатор²⁵. В ходе Гражданской войны полковник служил в береговой артиллерии и считался компетентным специалистом в данной отрасли. Теперь от комиссии Жовенуа требовался реализуемый план по нейтрализации и захвату «Скалы». Работа шла успешно. В августе 1939 г. с помощью новой фототехники создали детальную панораму Гибралтара, определили оптимальные позиции и наряд артиллерийских средств, необходимых для подавления и разрушения ключевых элементов британской крепости и порта²⁶.

Высшему руководству выводы по миссии представили 31 октября 1939 г. в условиях уже начавшейся Второй мировой. Возглавляемый Франко Совет национальной обороны принял решение приступить к реализации намеченных комиссией мероприятий, присвоив разработке код «Plan C»²⁷.

Справедливости ради следует упомянуть, что на той же сессии военного совета Франко и его заместитель Х. Вигон Суэродиас постановили осуществить несколько совершенно несбыточных проектов. Например, там же, в Паласио Ориенте, дали старт программе кораблестроения стоимостью в 5,5 млрд песет, что в 4 раза превосходило общий ежегодный военный бюджет государства²⁸. Там же приняли новый мобилизационный план, подразумевавший при необходимости развертывание армии численностью в 150 дивизий, что было явной фантастикой, учитывая наличные запасы вооружения, снаряжения и техники, едва достаточных для обеспечения 26 подобных тактических соединений.

Однако в отличие от упомянутых начинаний проект Жевенуа, очевидно, считался приоритетным и опирался на реально существующую ресурсную базу и потому действительно начал претворяться в жизнь. В общих чертах испанский замысел сводился к созданию мощной артиллерийской группировки, способной изолировать район боевых действий и путем разрушения ключевых объектов противника принудить его крепость к капитуляции. Банальная, но работоспособная логика, неоднократно подтверждаемая историческими примерами, позволяла надеяться на успех.

В октябре 1940 г. накануне планируемой встречи Франко – Гитлер в Эндайе «План С» сложился окончательно. Из последней редакции исчезли пункты, касающиеся сдерживания французов, но появилась масса добавленных Жевенуа технических деталей.

Итак, на первом этапе операции предполагалось, разместив на позициях у «Скалы» 236 тяжелых артиллерийских орудий и около сотни крупнокалиберных зениток, используя выверенные таблицы стрельбы, с дистанции 10–15 км уничтожить британскую крепостную артиллерию. Испанцы предполагали, что противник располагает 12-ю орудиями калибром 305 мм, 9-ю пушками 225–250 мм и 19-ю «шестидюймовками». Интересно, что разведка Жевенуа не имела представления об истинном положении дел с калибрами и типами артиллерийских систем противника и относила к потенциально опасным очень старые британские «двенадцатидюймовки», произведенные в 80-е гг. XIX в. На практике эти пушки калибром 12 и более дюймов представляли очень сомнительную ценность, поскольку относились к дульнозарядным образцам с дальностью стрельбы в 7–8 км. Тем не менее первый огневой шквал предполагалось направить и на эти музейные экспонаты²⁹. Огонь надлежало вести не только по орудийным позициям, но и по разведанным снарядным погребам, наблюдательным пунктам и блиндажам, укрывавшим расчеты противника. Время бомбардировки не ограничивалось, огонь велся до поражения всех намеченных целей.

Затем стартовала вторая фаза артиллерийского наступления, на протяжении которой уже 416 пушек и гаубиц, поддержанных полевыми артиллерийскими системами с оборудованных позиций в 8–10 км от мишеней, подавляли британскую зенитную артиллерию³⁰.

На протяжении 3-й фазы тяжелая артиллерия переносила огонь на объекты, прикрывавшие сухопутные подступы к «Скале», и прокладывала дорогу испанской пехоте и танкам. Одновременно к ударам по крепости подключались испанская авиация, располагавшая для этой цели 80-ю самолетами для дневных ударов и 20-ю приспособленными к ночным бомбардировкам.

«Дьявольской изюминкой» проекта являлось планируемое повышение эффективности артиллерийских и воздушных ударов за счет применения боевых отравляющих веществ (ОВ). Косвенно о подобных намерениях свидетельствует наличие изданных в 1940 г. подробных инструкций по химической защите войск и гражданского населения Альхесираса, Ла Линеа и даже Сеуты. Также существовали детальные планы заблаговременной эвакуации населения ряда районов округа «Кампо-Гибралтар», разработанные полномочным губернатором зоны А. Муньосом Грандесом, пожалуй, самым агрессивным командующим среди всех испанских генералов из ближнего окружения каудильо³¹. Существование планов превентивной эвакуации, равно как и наиболее тщательный в испанской армии подход к оснащению средствами химзащиты личного состава 102-й и 112-й дивизий, дислоцированных у «Скалы», позволяет предположить, что «План С» подразумевал именно инициативу в применении ОВ, а отнюдь не защиту от такового.

Техническая возможность масштабного применения испанцами боевой химии наличествовала в полной мере. Не будучи лидером в сфере инновационных разработок оружия массового поражения (ОМП), Испания тем не менее производила достаточно традиционных рецептур. В 1940 г. ежедневное производство ОВ на испанских предприятиях было значительным и составляло порядка 3 т иприта, 2 т фосгена и заметного количества иных рецептур, включая даже такую дорогостоящую экзотику, как арсин в количестве 400 л³². Имелась налаженная система снаряжения данными средствами снарядов, авиабомб и газобаллонного оборудования для разноплановых химических атак.

Таким образом, при наличии извращенной политической воли артиллерийское наступление на Гибралтар могло стать смертоносным, особенно если принять во внимание характер многих целей, лишенных естественной вентиляции.

Испанский план по овладению Гибралтаром производит двойственное впечатление. Уделяя внимание даже вопросам политического обеспечения операции, проект совершенно не содержит инструкций для пехоты и механизированных частей, не определяется даже наряд сил и примерное соотношение стрелковых, инженерных и бронетанковых подразделений, призванных захватить «Скалу». Речь, очевидно, идет о плане, основанном на принципе: «Артиллерия завоевывает, а пехота занимает» пространство, назначенное объектом воздействия. Странная на первый взгляд концепция на самом деле является типичной для полководческого почерка Франко, который при наличии возможностей во всех случаях ставил «огонь» превыше маневра. Причем, генералиссимус-консерватор предпочитал артиллерийский огонь даже налету авиации, полагая,

что только пушки в полной мере обеспечат эффект непрерывности воздействия на поражаемые объекты и окажут должное психологическое влияние на противника³³.

Как следствие, «План С» имел черты, присущие типичным «военным-огнепоклонникам», что спровоцировало любопытный историографический прецедент. После рассекречивания ключевых документов проекта часть испанских военных исследователей, не обнаружив агрессивного компонента плана в виде поминутного расписания движения штурмовых колонн, получила возможность считать разработку сугубо оборонительной. Не констатируемая, но очевидная полемика по данному поводу имеет место в работах испанских военных историков, среди которых большинство отстаивает именно «оборонительную версию». Представляется, что в оценке военных аспектов версии экспансионистов ближе к истине, нежели умозаключения «оборонцев», поскольку специфические условия ключевой операции, подлежащей заблаговременной подготовке, и психологические характеристики противника, утрачивающего вместе с инициативой и волю к борьбе, попросту исключали необходимость проработки маневренного компонента операции. Проще говоря, Франко полагал, что, оказавшись на изолированном, насквозь простреливаемом перекрестным огнем клочке местности, англичане сдадутся, прежде чем потрется бросать в бой штурмовые группы. Именно поэтому в плане уделялось внимание не пехотному броску, а прикрытию десантоопасных направлений, в которых восстанавливающие инициативу англичане могли угрожать основательно подготовленным осадным позициям испанцев. Против удобных для десантирования участков побережья в промежутке между местечком Конилде ла Фронтера на западе и устьем речушки Гуадиаро на востоке испанцы построили или модернизировали 495 объектов долговременной фортификации, сведенных в 4 укрепленных района³⁴.

Это грандиозное строительство вроде бы сугубо оборонительных сооружений и породило иллюзии относительно пассивности испанских намерений, дав полемический повод исследователям. Однако очевидно, что защищающие пологие берега бункеры возводились в том числе для предотвращения попыток оказать помощь Гибралтару посредством амфибийной контр-операции, тем более что основные и наиболее дорогостоящие элементы, интегрированные в систему фортификаций Кампо-Гибралтара, относились, скорее, к наступательным по назначению постоянным и временным позициям крупнокалиберной артиллерии, создаваемым с двойной целью – сокрушения британской крепости и порта, а также пресечения доступа в пролив. Сотни пулеметных огневых точек прикрывали, а в процессе строительства и маскировали возведение

и эксплуатацию позиций тяжелой артиллерии, в большинстве случаев способной поучаствовать в разрушении британской цитадели. Всего к 1942 г. в пролив и на крепость только с северного берега Гибралтара смотрели свыше 40 стационарных установок калибром от 381 до 102 мм, не считая тяжелых полевых и железнодорожных артиллерийских систем. Впрочем, эта информация более подробно изложена испанскими специалистами³⁵ либо достаточно кратко в одной из авторских работ³⁶.

Для прикрытия сложившихся фортификационных ансамблей с воздуха строились десятки основных и резервных, защищенных бетоном, площадок под зенитные орудия. Совершенствовалась дорожно-транспортная сеть, пополнявшаяся ответвлениями общей протяженности в 112 км покрытых дорог. За отсутствием радиолокационных средств обстановку в проливе готовились освещать с помощью 34 защищенных прожекторных станций³⁷.

Помимо второго изолирующего контура, в плане Жевенуа предусматривались дополнительные меры по пресечению доступа в пролив, подразумевавшие минирование сложной гибралтарской акватории.

Поскольку совладать со сложными течениями глубоководной гибралтарской стремнины возможности не было, минное поле решили передвинуть на 30 км восточнее поперечной оси пролива, где сохранились приемлемые глубины до 300 м и возможность защитить заграждение средствами береговой артиллерии. Предполагалось в 4 линии протяженностью 130 км выставить 2000 мин антенного типа³⁸. Такая система позволяла снизить плотность заграждения при сохранении эффективности и попутно закрывала Средиземное море не только для надводных кораблей, но и для субмарин вероятного противника. Большое внимание уделялось не только месту, но и скрытности и темпу постановки заграждения.

Данная задача являлась одной из немногих, посильных испанскому флоту, имевшему в наличии 4 специализированных минных заградителя типа «Юпитер», последний из которых вступил в строй осенью 1939 г.³⁹ Действуя совместно, четверка минных заградителей могла обеспечить скрытное минирование указанной акватории, за одну – две ночи превратив западную часть Средиземного моря в «озеро стран оси»⁴⁰.

Осуществив расчеты целей и потребностей, сопряженных с реализацией «Плана С», испанцы не забыли о политическом обеспечении операции против «Скалы» и пролива. Уязвимым местом проекта оставалась возможность англичан парировать испанские усилия с португальского плацдарма. Лиссабон по ряду формальных признаков, отраженных в старинных, но не денонсированных документах, оставался едва ли не союзником Лондона, что могло привести к срыву испанских

планов. Дабы не рисковать флангом ключевой позиции, представители испанского диктатора долго и настойчиво убеждали португальцев принять меры, ограничивающие британские возможности на западе Иберийского полуострова. Еще более осторожный, нежели Франко, А. Оливейра Салазар долго подыскивал благовидный повод и, наконец, согласился вместе с соседями любыми доступными средствами отстаивать неприкосновенность и нейтралитет полуострова. Соответствующий дополнительный протокол о совместной обороне, затрудняющий английскую реакцию на правом фланге, подписали 29 июня 1940 г. Новые пункты договора о дружбе и ненападении не гарантировали испанцам португальского содействия, но позволяли выиграть время в силу обязательств Салазара предупредить партнера о возникающих угрозах⁴¹.

Однако, если первый компонент сотрудничества, необходимый для обеспечения «Плана С», был добыт сравнительно легко, то со второй составляющей возникли существенные проблемы. Материальные ресурсы для организации артиллерийского шквала над «Скалой» и прилегающей акваторией у Испании в принципе наличествовали, но в рассредоточенном виде. Чтобы собрать ударный артиллерийский кулак, следовало либо провести трудоемкие мероприятия, обнажающие иные важные направления, либо позаимствовать силы и средства у партнеров, заинтересованных в изгнании англичан из Гибралтара. Естественно, предусмотрительный каудильо предпочел второй путь.

В июне 1940 г. к богатым немецким союзникам просителем отправился начальник испанского Генштаба Х. Вигон с длинным списком материалов, необходимых для операции. В числе прочего испанцы надеялись заполучить в виде помощи (или, на худой конец, товарами) сотню орудий калибром свыше 150 мм, столько же гаубиц от 210 мм и выше, 40 пикирующих бомбардировщиков Ju-88 с экипажами, 200 танков и бронемашин и 2000 грузовиков⁴². Вообще список был значительно длиннее и включал в себя также сырье, топливо, продовольствие, запчасти и боеприпасы. Но непосредственно для атаки на Гибралтар и соответственно начала «правильной» мировой войны против таллосократии имели значение именно дорогостоящие поставки готовой дефицитной продукции. Кроме вручения перечня ресурсов Вигону доверили поинтересоваться гитлеровскими планами относительно морской операции по прикрытию от британских посягательств заморских территорий вероятного союзника на Канарских островах.

16 июня полномочный испанский проситель встретился с А. Гитлером в бельгийской полевой штаб-квартире и получил неожиданный отказ даже относительно позиций, считавшихся среди испанцев выполнимыми⁴³. В частности, Вигону

поведали об отсутствии артиллерийских «излишков», особенно крупнокалиберных стволов.

Инертно мысливший категориями прежней эпохи Ф. Франко пребывал в плену беспочвенных иллюзий о прежней мощи тевтонских законодателей мод в сфере тяжелых пушек, но столкнулся с разочарывающей реальностью. ВПК Третьего Рейха разительно отличался от кайзеровской индустрии слабой фундаментальностью и традиционного статуса германского артиллерийского превосходства более не формировал, посвящая время и средства разработке единичных и малополезных образцов «вундерваффе». Ограниченно мобильных тяжелых мортир и гаубиц, чья слава гремела на полях предыдущей мировой войны, в арсеналах Рейха не нашлось, как не оказалось там и подталкивающего к благотворительности избытка крупнокалиберных морских орудий. Немецкие железнодорожные установки не могли попасть на Иберийский полуостров по причине особенности широкой испанской колеи. Наличия и состояния французских трофеев Гитлер в июне 1940 г. учитывать не мог. К тому же сложившаяся конфигурация границ зоны «нового европейского порядка» диктовала нацистам артиллерийскую скардность ради обеспечения безопасности собственных приморских направлений. Вместо материальной помощи растерявшийся в политических дебрях лета 1940 г. нацистский вождь заверил испанского эмиссара, что скрупулезно изучит вопрос о возможности совместной операции против «Скалы» и дальнейших шагах Рейха в Средиземноморье, Северной Африке и на атлантических просторах.

Вигон, невзирая на неявные контакты с британским посольством, а возможно, как раз в силу данных контактов, оставался ближайшим военным соратником каудильо, лучше других знавшим политическую платформу шефа. Франко считал, что судьба Гибралтара и запада Северной Африки должна находиться исключительно в испанской компетенции и никак иначе⁴⁴. А раз так, то главе испанского Генштаба оставалось только откланяться, оставив партнера далее знакомиться с перечнем неудовлетворенных испанских потребностей и размышлять о тевтонских проектах переустройства Средиземноморья.

Вернувшись домой не солоно хлебавши, Вигон разочаровал доверителя и принялся срочно перепроектировать план с учетом использования исключительно внутренних испанских ресурсов. На практике это означало, что тяжелые стволы для спешно возводимых у Гибралтара батарей предстоит собирать по всей Испании, демонтировать и с огромными сложностями перемещать в район Кампо-Гибралтара. Чтобы представить себе технические трудности передислокации достаточных для разрушения гибралтарских сооружений 15-дюймовых пушек модели «Виккерс» 1926 г., следует вспомнить, что тело орудия длиной 17 м весило 88 т, а общая масса боеготовой

установки составляла более 220 т⁴⁵. Гитлеровская скупость и нераспорядительность привели к тому, что столь массивные и габаритные грузы пришлось снимать с высот у Эль-Ферроля и батарей Менорки, а затем поднимать по просекам на покрытые густой растительностью холмы близ Гибралтара. Испанская сухопутная инфраструктура и морской транспорт к таким трюкам не готовились, что вынудило подчиненных новопроектированного генерала Жевенуа импровизировать и прибегать к ухищрениям, поглощавшим время и силы. Затягивание процесса ставило жирный крест на вполне реализуемом варианте операции «С», привязанном к благоприятному периоду. В результате вместо намеченных сроков завершения подготовительных мероприятий «План С» к зиме 1940–1941 гг. реальная готовность сдвигалась, по предварительным оценкам, на год, а то и более. На практике возведение позиций Кампо-Гибралтар увенчалось удовлетворительным результатом лишь к осени 1942 г., когда политический момент для активизации Испании был полностью упущен.

Тем не менее отчасти гонимая за миражом, отчасти в силу более прагматичных целей, испанцы продолжили создавать и создали гибралтарскую позицию, сыгравшую заметную роль в обеспечении политики Мадрида на протяжении Второй мировой войны.

Примечания

- 1 Престон П. Франко. М. : Центрополиграф, 1999. С. 274.
- 2 См.: Пожарская С. П. Тайная дипломатия Мадрида. М. : Международные отношения, 1971. С. 86.
- 3 Convention Regarding the Organization of the Statute of the Tangier Zone, signed at Paris, December 18, 1923. P. 201. URL: <http://www.worldstatesmen.org/ITangier1923.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
- 4 Ibid. P. 237.
- 5 Ibid. P. 238.
- 6 См.: Минаев В. Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке. М. : Наука, 1942. С. 6.
- 7 Goda N. Franco's Bid for Empire : Spain, Germany and the Western Mediterranean in World War II // Spain and Mediterranean since 1898. London; New York : Routledge, 1999. P. 173.
- 8 Ibid.
- 9 Ibid. P. 174.
- 10 См.: Сергеев М. С. История Марокко. XX век. М. : Институт Востоковедения РАН, 2001. С. 73.
- 11 Casas de la Vega R. Franco, militar. Toledo : Editorial Fenix, 1995. P. 516.
- 12 Manrique Garcia J. Molina Franco L. El artillado de la «Otra» // Revista Española de Historia Militar. Valladolid : Alcaizfresno's. 2002. № 01–02. P. 67.
- 13 Yuste Segura, Antonio. P. 174. URL: <https://www.lahistoriatrascendida.es/documentos/personajeshistoricos/YusteSegura.pdf> (дата обращения: 27.08.2021).
- 14 Goda N. Op. cit. P. 174.
- 15 Ibid. P. 175.
- 16 Hoare S. Complacent Dictator. New York : Knopf, 1947. P. 31–46.
- 17 См.: Пожарская С. П. Указ. соч. С. 86.
- 18 См.: Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск : Русич, 2001. С. 269–273.
- 19 См.: Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск : Русич, 2003. С. 186.
- 20 См.: Касабланка : Электронная еврейская энциклопедия ОПТ. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/communities/11994/> (дата обращения: 13.08.2021).
- 21 Casas de la Vega R. Op. cit. P. 309.
- 22 Marder A. The Royal Navy and the Ethiopian Crisis of 1935–1936 // The American Historical Review. 1970. Vol. 78, № 5 (Jan.). P. 1351. URL: <http://www.jstor.org/stable/1844481.pdf> (дата обращения: 17.08.2021).
- 23 Ros Agudo M. Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941) // Guadernos de Historia Contemporanea. 2001. № 23. P. 301.
- 24 Saez Rodriguez A. Espaca ante la Segunda Guerra Mundial. El sistema defensivo contemporaneo del Campo de Gibraltar // HAOL. № 24. P. 34–36. URL: <https://www.historia-actual.org/Publicaciones/index.php/haol/article/view/528> (дата обращения: 17.08.2021).
- 25 Anastasio Guisado A., Arevalo Rodriguez F. El dispositivo de la orillanorte del estrechode Gibraltar // Investigacione Innovacion en Arquitectura y Territorio. 2018. Vol. 6, № 1. P. 3. URL: <https://i2.ua.es/article/view/2018-v6-n1-fortificacion-del-siglo-xx-sistema-arquitectura-y-patrimonio.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
- 26 Ros Agudo M. Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941). P. 302.
- 27 Saez Rodriguez A. Op. cit. P. 36.
- 28 Ricardo de la Sierva J. Histiria del Franquismo. Origenes y configuracion (1939–1945). Barselona : Planeta, 1975. P. 338.
- 29 Ros Agudo M. Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941). P. 305.
- 30 Ibid. P. 305–306.
- 31 Ros Agudo M. La Guerra Secreta de Franco. Madrid : Editorial Critica, 2002. P. 61.
- 32 Manrique Barsia J.-M. Molina Franco L. Guerra Quimica en España 1921–1945. Valladolid : Galland Books, 2012. P. 71.
- 33 Ros Agudo M. Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941). P. 302.
- 34 Atanasio Guisado A., Arevalo Rodriguez F. La fortificacion del Campo de Gibraltar tras de la Guerra Civil Española // Revista de Historia Militar. 2013. № 114. P. 139–155.
- 35 Sanchez de Alcazar Garsia C. La artilleria de costa en el Campo de Gibraltar : el Racta № 5. Valladolid : QuironEdiciones, 2006. 223 p.
- 36 См.: Креленко Д. М. Отдельные элементы потенциала крепости Гибралтар в контексте стратегической роли данной позиции в 1940–1942 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 481–487. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-481-487>

- ³⁷ *Anastasio Guisado A., Arevalo Rodriguez F.* El dispositivo de la orillanorte del estrechode Gibraltar // *Investigacione Innovacion en Arquitectura y Territorio*. 2018. Vol. 6, № 1. P. 9–11. URL: <https://i2.ua.es/article/view/2018-v6-n1-fortificacion-del-siglo-xx-sistema-arquitectura-y-patrimonio.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
- ³⁸ *Ros Agudo M.* Preparativos Secretos de Franco paraatacar Gibraltar (1939–1941). P. 303.
- ³⁹ См.: *Дашьян А. В., Потянин С. В., Митюков Н. В., Барбанов М. С.* Флоты Второй мировой. М. : Коллекция ; Яуза ; Эксмо, 2009. С. 532.
- ⁴⁰ *Ros Agudo M.* Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941). P. 309.
- ⁴¹ *Payne S.* Franco. El perfil de Historia. Madrid : Espasa Calpe, 1995. P. 98.
- ⁴² *Suares Fernandez L.* Francisco Franco y su tiempo : in 8 vols. Madrid : Azor, 1984. Vol. 3. P. 138.
- ⁴³ *Casas de la Vega R.* Op. cit. P. 527.
- ⁴⁴ *Ros Agudo M.* Preparativos Secretos de Franco paraatacar Gibraltar (1939–1941). P. 309–311.
- ⁴⁵ *Manrique Garcia J.-M. Molina Franco L.* Artilleria y carros de combate en la Guerra Civil Española. Madrid : Tikal, 2014. P. 181.

Поступила в редакцию 07.09.2021; одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 07.09.2021; approved after reviewing 20.09.2021; accepted for publication 10.11.2021